

Калужская государственная областная научная
библиотека имени В.Г. Белинского

От наших корней

*Культура и искусство
Калужского края
в истории России*

Издательство
Н. Бочкаревой

Калуга 2003

ББК. 83.3 (2Рос.=Рус.) 6

О 80.

Калужская государственная областная научная
библиотека им. В.Г. Белинского

Редактор: *С.И. Миронович*

Составители: *А.Д. Берестов, С.И. Миронович*

От наших корней: Культура и искусство Калужского края. – Ка-
О 80. луга: Издательство Н. Бочкаревой, 2003. – 508 с.: ил.

Книга посвящена выдающимся деятелям отечественной культуры, рождением, проживанием и творчеством связанным с Калужским краем. Она расширяет представление о жизни и творческом пути таких гигантов русской культуры, как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой и другие. В то же время книга дает читателю возможность узнать о связях с нашей землей целого ряда лиц, которым в краеведении уделялось не очень много внимания. Среди них поэты В.И. Иванов и Ю. Балтрушайтис, композитор А.Н. Скрябин, художники П.А. Суходольский, Л.О. Пастернак, А.П. Остроумова-Лебедева.

Обширная библиография, сопутствующая каждому очерку, дает возможность читателю более подробно познакомиться с жизнью и творчеством персонажей книги.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей родного края.

ISBN 5-89552-073-2

ISBN 5-89552-073-2

© Калужская государственная
областная научная библиотека
им. В.Г. Белинского, 2003

© С.И. Миронович, 2003

© А.Д. Берестов, 2003

© Издательство научной литературы
Н. Бочкаревой, 2003

Мы на даче; за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок...

(1909 г.)

Сестра Марины Анастасия в своих воспоминаниях отметила: «Полноценнее, счастливее детства, чем наше в Тарусе, я не знаю и не могу вообразить». В стихотворении «Молитва» М. Цветаевой есть такая строка, обращенная к Богу: «Ты дал мне детство – лучше сказки...» Тарусе, ее природе, счастливому детству в ней принадлежит большая роль в становлении Цветаевой как русского поэта, глубоко любящего Россию. Торжественно звучат строки:

Россия, родина моя!
Но и с калужского холма
Мне открывалась она –
Даль, – тридевятая земля!

(1934 г.)

В 1925 году за пределами России Цветаева говорила парижскому корреспонденту газеты «Сегодня»: «Я по стихам и всей душой своей – глубоко русская, поэтому мне не страшно быть вне России. Я Россию в себе ношу, в крови своей». А в письме к С. Андрониковой-Гальперн от 25 февраля 1928 года она отмечала: «Пишу русскую вещь, начатую еще в России. Хорошая вещь. Замечаю, что весь русский словарь во мне, что источник его – я, т.е. изнутри бьет». Свои лучшие произведения М. Цветаева создала в эмиграции. Все они – о России.

Впервые семья Цветаевых приехала в Тарусу весной 1891 года по приглашению двоюродной сестры Ивана Владимировича Цветаева Елены Александровны Добротворской, жены местного земского врача Ивана Зиновьевича Добротворского. В свое первое тарусское лето Цветаевы жили в имении Бутурлиных (с. Игнатовское), где сдавался под дачу благоустроенный дом. С 1892 года И.В. Цветаев снял для своей семьи городскую дачу «Песочное», недалеко от Тарусы, 18 лет пользовалась их семья этой дачей (с 1892 по 1910 годы, платили 80–90 рублей в лето).

Валерия Цветаева, сводная старшая сестра Марины, рассказывала: «В верстах полутора от Тарусы, на берегу Оки, была небольшая заброшенная усадьба с зимним садом, старым домом, службами. Усадьба эта при-

надлежала городу и сдавалась как дача. Наша семья по долгосрочной аренде лет 20 жила летом в этой усадьбе. Тогда Таруса не была в моде. Это был маленький уездный городок, в стороне от железной дороги, в исключительной по красоте местности, никому не известной». Сама Марина Цветаева писала в своей автобиографической прозе: «Дача "Песочное" в двух верстах от Тарусы, совсем одна, в лесу, на высоком берегу Оки. С такими березами... Осень. Последние – ярко- и мелко-розовые, безмянные, с чудным запахом, узнаваемые потом везде и всегда – цветочки в колеях». Эти цветы, Анастасия Ивановна называла их «иммортелли» (immortel – по-французски значит «бессмертный»), очень любила их мать – Мария Александровна.

В 1957 году Ариадна Эфрон, будучи в Тарусе, как-то разговорилась с начальником пристани Розмаховым Ефимом Ивановичем, уже пожилым человеком. Он прекрасно помнил Цветаевых, их дачу и рассказал Ариадне о прошлом, о нравах тех времен: «Цветаевы были, можно сказать, первые дачники в Тарусе; где теперь дом отдыха, так-то была вся их территория. И ведь вот как бывало – уедут они на зиму, все вещи оставят, сундуки, сервизы, замочек навесят – все. И хоть бы раз кто забрался и набедокурил – нет, все всегда бывало в порядке... Так вы, значит, Маринина дочка, так-так. Маму вашу Мусей звали, Анастасию Ивановну – Настей. Боевые они были... А барышни были очень хорошенькие... Хорошие были люди, хорошие...»

По мнению М. Цветаевой, именно детские годы играют очень важную роль в формировании человека, его личности. «Во мне все сосуществовало с самого начала моего двухлетия, и рождения, и еще до рождения, с самого замысла матери», – писала она. Марина Ивановна утверждала, что «все, что любила, – любила до семи лет, и больше не полюбила ничего... Все, что суждено было узнать, – узнала до семи лет, а все последующие сорок осознавала». И еще ее слова из письма, написанного в 1933 году В.Н. Муромцевой: «... что бы ни было... вокруг нас, – это всегда будет на поверхности, всегда слой льда, под которым живая вода, золы, под которой живой огонь... что бывшее сильнее сущего, а наиболее из бывшего б ы в ш е е: детство сильнее всего. Корни. Тот "ковш душевной глубины" (Б. Пастернак), который беру и возьму э п и г р а ф о м ко всему тому старопименовскому – тарусскому – трехпрудному, что еще изнутри корней выведу на свет». Ранней весной семья Цветаевых выезжала из Москвы на дачу «Песочное». В стихах Марины мы чувствуем то состояние нетерпения долгожданной встречи с домом в Тарусе:

Возгласами звонкими
Полон экипаж,
Ах, когда же вынырнет
С белыми колонками
Старый домик наш.

(1909 г.)

С любовью описывает Анастасия Ивановна Тарусу и свою дачу: «Таруса. Маленький городок на холмах, поросших березами, на левом берегу Оки. Яблочные и ягодные сады... Небо над водой лиловое, от месяца – струи серебра. Май, июнь, июль, август, часть сентября – сколько дней, сколько утр в нашем гнезде меж тополей, берез, ив, кустов бузины и черемухи...» Марина также подтверждает их продолжительное пребывание в Тарусе в повести «Мой Пушкин»: «Осенью мы долго, долго, до ранних черных вечеров и поздних темных утр заживались в Тарусе, на своей одинокой – в двух верстах от всякого жилья – даче, в единственном соседстве реки Оки».

Представим их дачу, ее окрестности по воспоминаниям Анастасии Цветаевой: «Простой серый дощатый дом под ржавой железной крышей. Столбы качелей; старая скамья под огромной ивой еле видна – так густо кругом. В высоком плетне – калитка на дорогу. Если встать лицом к Оке, влево – грядки, за ними – малина, смородина и крыжовник, за домом – крокетная площадка.

Две террасы (одна над другой, столбиком); балюстрада нашей детской доверху продолжена перекладинами, чтобы мы не упали. Перед террасами – площадка меж четырех тополей; между двух из них – мои детские, стульчиком, с загородками, качели. А настоящие качели – между четырех орешников, носящих наши четыре имени: Лера, Андрюша, Муся и Ася.

Внизу, под дачей, – пески, Ока, луг. Позади дачи – "большая дорога" – молодым леском выход в поле. Справа от дачи, если лицом к Оке, – "старый сад" – поляны одичалых кислейших яблок».

Приятные воспоминания сохранились у Анастасии Цветаевой о жизни в Тарусе: «В Марусины именины (17 июля) пекут сладкие пироги: «воздушный» ягодный – он как пух! Его высоко несут над столом и торжественно ставят». Или: «... в дождь мы сидим на верхнем балконе и нижем ягоды рябины, прокалывая их терпкую рыжую мякоть иглой: эти ожерелья мы носим... И как терпеливо и жадно ни старался рот прожевать и проглотить – ничего, кроме огорчения, не получалось от упрямой рыжей мякоти – такой горькой, что дрожали даже игла и нитка, пронизавшие красавицы ягоды». И не отсюда ли потом родились стихи:

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

(1916 г.)

И еще:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все равно, и все – едино.
Но если на дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

(«Тоска по родине»)

Рассказывая о Марине Цветаевой, нельзя не рассказать о ее родителях, несомненно, выдающихся людях, фанатически преданных каждый своему делу, оказавших огромное влияние на их дочь. Марина писала в одной из анкет: *«Главенствующее влияние матери (музыка, природа, стихи...)*. *Более скрытное, но не менее сильное влияние отца (страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешенность)*. *Слитое влияние отца и матери – спартанство. Два лейтмотива в одном доме: Музыка и Музей. Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский – рыцарский. Жизнь на высокий лад*. А вот как описала родителей Марины В. Швейцер, исследовательница ее жизни и творчества: *«Каждый из них был фанатиком своего мира. Мать – Музыки, Романтики, Поэзии. Отец – своего Музея. <Дети называли музей своим «гигантским братом»>. Фанатическая преданность своим идеалам и своему делу составила основу их нравственности. В такой семье начинался один из самых фанатически преданных Поэзии русских поэтов – Марина Цветаева»*.

Поразительное письмо о своей жизни, о своих родителях написала Марина 8 апреля 1914 года В. Розанову: *«Мама и папа были люди совершенно непохожие. У каждого своя рана в сердце. У мамы – музыка, стихи, тоска, у*

папы – наука. Жизни шли рядом, не сливаясь...» И здесь же о матери: «Упоение музыкой, громадный талант (такой игры на рояле и на гитаре я уже не услышу!), способность к языкам, блестящая память, великолепный слог, стихи на русском и немецком языках, занятия живописью. Гордость, часто принимаемая за сухость, стыдливость, сдержанность, неласковость (внешняя), безумие в музыке, тоска... Ее измученная душа живет в нас – только мы открываем то, что скрывала. Ее мятееж, ее безумие, ее жажда дошли в нас до крика». И сама же частично объясняет это состояние матери такими горькими словами: «Моя мать выбрала самый тяжелый жребий – вдвое старшего вдовца с двумя детьми, влюбленного в покойницу, – на детей и на чужую беду вышла замуж, любя и продолжая любить того, с которым потом никогда не искала встреч».

Но тем не менее эти люди стали единомышленниками, уважали друг друга, по-своему любили. Мать Марины, Мария Александровна, урожденная Мейн (1868–1906), помогала своему мужу в главном деле его жизни – создании Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина). Иван Владимирович Цветаев (1847–1913), отец Марины, сын сельского священника, стал профессором, директором Румянцевского музея. В одной из анкет Цветаева писала о нем: «...основатель, вдохновитель и единоличный собиратель первого в России музея изящных искусств...» <был открыт 31 мая 1912 года>. Можно сказать, что Таруса в какой-то степени тоже причастна к созданию этого великолепного музея. В рассказе «Музей Александра III» Цветаева написала: «Город Таруса Калужской губернии. Дача "Песочное"... Папа и мама уехали на Урал за мрамором для музея... Пишем папе и маме письма, пишу я, – неграмотная Ася рисует музеи и Уралы, на каждом Урале – по музею... Я же... честно и мощно вывожу: "Нашли ли мрамор для музея, и крепкий ли?" У нас в Тарусе тоже есть мрамор, только не крепкий... В одно прекрасное утро вся дача Песочное заполняется кусками разноцветного камня: голубого, розового, лилового, с ручьями и реками, с целыми видами... <Мрамор был использован для сооружения фасада музея>». Заметим, что в то время в окрестностях Тарусы действовали три каменоломни тарусского мрамора и известняка.

Мария Александровна Цветаева

В 1926 году в письме к Пастернаку М. Цветаева так описала свое тарусское детство: «...Урал! "Уральские камни" – опять звук из детства! Мать с отцом уехали на Урал за мрамором для Музея. Губернантка говорит, что ночью крысы ей отъели ноги. Таруса. Хлысты. Пять лет».

И.В. Цветаев и в Тарусе, конечно же, не забывал о своем музее, работая здесь, чувствовал «душу города»: «...упоенный тишиной эпически спящего города-села, я и отдыхал, и писал играючи...» Кстати, после открытия музея в 1912 году И.В. Цветаев стал «почетным опекуном» и должен был участвовать в заседаниях Опекунского Совета (по учебно-воспитательным и благотворительным заведениям), председателем которого был сын А.С. Пушкина – Александр Александрович. Цветаева очень радовалась, что музей посещало

И.В. Цветаев с Мариной. 1905

много людей, только за 2 месяца 1912 года было продано 12 тыс. экз. путеводителей.

Многое о матери Марины, о ее отношении к делу жизни мужа говорит тот факт, что она завещала значительную часть своего состояния в «вечный капитал Музея изящных искусств для составления из процентов при нем отделения библиотеки имени ее отца Александра Даниловича Мейна».

Прекрасно сказала о своих родителях сестра Марины Анастасия: «Какая радость быть рожденным от такого сильного и чистого человека, бескорыстно прожившего жизнь, как наш отец, от такой трагически, доблестно прожившей ее женщины, как наша мать! Трагедии себе не хочет никто, с нею рождаются».

И еще один небольшой момент, связанный с Тарусой, с дачей «Песочное». За неделю до смерти отца Марина и Иван Владимирович проходили по Театральной улице в Москве, вдруг Иван Владимирович остановился и, показав рукой на клумбу, «редко-грустно» сказал: «А помнишь, у нас на даче были мальвы?» Марина Ивановна, конечно же, помнила. В цикле стихотворений «Ока» звучат такие строки:

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все также сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

Читая эти трогательные строки, хочется вспомнить слова И.В. Цветаева о своей дочери, о его признании таланта Марины, которой было в этот период неполных одиннадцать лет: *«За Марусю даже страшно: говорит, как взрослый француз, изящным, прямо литературным языком... пишет по-русски правильнее и литературнее пяти- и шестиклассников в гимназиях... Экие дарования Господь ей дал. И на что они ей! После они могут принести ей больше вреда, чем пользы».*

А завершить рассказ об этих людях можно пронизанными грустью стихами Марины, которые посвящены рано умершей матери:

Все бледней лазурный остров-детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно, грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

(1909 г.)

В 1910 году вышел первый сборник стихов М. Цветаевой «Вечерний альбом», в 1912 году – второй – «Волшебный фонарь», в 1913-м – третий – «Из двух книг». Многие строки из этих сборников родились в Тарусе, созданы по впечатлениям тарусской жизни. По мнению М. Волошина, книга «Вечерний альбом» представляет «документальную важность», она вся «на грани последних дней детства и первой юности». Сама Марина говорила: *«Мои стихи – дневник, моя поэзия – поэзия собственных имен».*

В. Брюсов в своем отзыве на книгу «Вечерний альбом» писал, что «стихи Марины Цветаевой... всегда отправляются от какого-нибудь реального факта, от чего-нибудь действительно пережитого. Не боясь вводить в поэзию повседневность, она берет непосредственно черты жизни, и это придает ее стихам жуткую интимность». Подтверждает эту мысль и Марина словами: *«Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! ...»* Уже в наши дни поэт И. Бродский писал в статье «Об одном стихотворении»: «Цветаева – поэт чрезвычайно искренний, вообще, возможно, самый искренний в истории русской поэзии». Эта мысль выражена в стихах Марины:

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски,
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

И еще несколько слов о «Вечернем альбоме». Книга, изданная в типогра-

фии А. Мамонтова за собственные средства, получилась красивой: «Малоформатная, толстенькая, на темной (сине-зеленой) обложке – золотые буквы названия» – читаем мы в статье Поликовской Л. Отметим, что книга была посвящена Марии Башкирцевой (родилась в 1860 году в России, но жила во Франции), которая была кумиром Марины, т.к. ее мысли и духовный мир были созвучны переживаниям Цветаевой. О ней в этот период жизни Марина думала постоянно. Известна стала Башкирцева после выхода в свет ее «Дневника» на французском языке, переведенного впоследствии на многие другие языки. Совсем молодой, в 22 года, Башкирцева умерла от туберкулеза.

Завершая эту небольшую тему о первых книгах Марины, представим стихи Цветаевой из сборника «Волшебный фонарь», которые звучат как гимн Тарусе, ее природе:

Осень в Тарусе

Ясное утро нежарко
Летом бежишь налегке,
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Все повторяешь подряд
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль, между сосен,
Говор и гул на гумне...
И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но все же...
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!

(1909 г.)

Жизнь М.И. Цветаевой в Тарусе ярко отразилась не только в ее стихах, но и в автобиографической прозе, в таких произведениях, как «Мать и музыка», «Черт», «Хлыстовки», «Музей Александра III», «Жених», «Дом у Старого Пимена» и др. Слова М. Цветаевой, относящиеся к периоду работы над очерком «Дом у Старого Пимена», можно отнести и к другим ее автобиографическим работам: *«Я хочу воскресить весь этот мир, чтобы все они недаром жили – и чтобы я недаром жила»*. А в рассказе «Черт» Цветаева отмечала: *«Вся цель и ценность этих записей в их тождественности бывшему, в тождественности того, признаюсь, странного, но бывшего ребенка самому себе»*. Конечно же, мы не можем утверждать, что все написанное Цветаевой представляет документальную правду, но узнать то, как воспринимала события в своей жизни именно Марина Ивановна, возможно.

В рассказах, очерках присутствует субъективная оценка происходящего. Марина писала: *«Фактов я не трогаю никогда, я их только толкую»*. Описывая свое детство в автобиографической прозе, Марина хотела показать «свое одиночество поэта среди непоэтов». Анастасия Цветаева выразилась так: *«Она не искажала нас, она живописала свое»*.

Одно из ранних воспоминаний Марины об эпизодах жизни, связанных с Тарусой, отражено в небольшой повести «Дом у Старого Пимена» и посвящено Сереже Иловайскому (1885–1905), сводному брату первой жены И.В. Цветаева. Сергей в 20 лет умер от туберкулеза. М. Цветаевой казалось, она была почти уверена, что «первым живым мужским существом», которое она любила, был он. И Сергей Иловайский, единственный из взрослых, интересовался ее детскими стихами. Марина вспоминает себя «четырехлетней толстой девочкой, часами в полном молчании простаивающей возле Сережи, глядя, как он заступом с Оки на дачу в крутом боку горы роет лестницу». И эта лестница долго еще была в сохранности. Валерия Цветаева в 1906 году повествует о «спуске к реке, где еще цела была лестница с земляными ступенями, которую выкопал Сережа Иловайский, когда гостил у нас в Тарусе». А Анастасия Цветаева в своих воспоминаниях о лете 1908 года пишет: *«По "Сережиной лестнице" Марина и я никогда не ходим: страшно на нее ставить ноги, ступени живые, а он – под землей, сколько лет»*.

Марине не исполнилось и пяти лет, когда мать начала обучать ее музыке. Она должна была играть на рояле по 4 часа в день: два утром и два вечером, способности к музыке у нее были очень хорошие. Летнее время в Тарусе не было исключением. В очерке «Мать и музыка» Цветаева писала: *«Мать меня музыкой – замучила... Мать залила нас всей горечью несбывшегося призвания, своей несбывшейся жизни, музыкой залила нас, как кровью, кро-*

вью второго рождения... Каково же было, после невыносимого волшебства тех ежевечерних ручьев... слышать свое честное, унылое... "игранье"?»

Или вот еще одно воспоминание о летнем тарусском дне: «Жара. Синева. Мушинная музыка и мука. Рояль у самого окна... Пот льет, пальцы красные – играю всем телом, всей своей немалой силой, всем весом, всем нажимом и, главное, всем своим отвращением к игре... Все на воле: Андрюша с папой пошли купаться, мама с Асей – "на пеньки", Валерия – в Тарусу на почту, только кухарка одна стучит котлетным ножом, и я – по клавишам». Старалась играть Марина только для матери, для «ее радости», «только ей одной мое нестарание было бы страданием». И после смерти Марии Александровны в 1906 году Марина перестала играть, «дальше при ней достигнутого я не пошла». И заканчивает М. Цветаева свое повествование словами: «Есть силы, которых не может даже в таком ребенке осилить даже такая мать». Цветаева говорила: «... после такой матери мне осталось только одно: стать поэтом». И она им стала, «она с первых лет жизни», по словам Анастасии, по народной пословице, «хватала с неба звезды». Валерия Цветаева вспоминала: «Сестра Марина, едва овладев подобием грамотности, детскими каракулями на всех случайных клочках писала стихи. Марина характером была неподатлива, грубовата. Заметен был в ней ум и с детства собственный внутренний мир». Марина так характеризует себя в письме к А.А. Тесковой: «Впрочем, никогда, с четырех лет, не имела своего возраста, ни с виду, ни внутри...»

Сильно затронули детское воображение М. Цветаевой тарусские хлыстовки (из секты хлыстов), «тайный хлыстовский мирок» навсегда остался с ней. В ответе на анкету Марина написала: «Таруса – хлыстовское гнездо на Оке». И ее впечатления от этих женщин выразились в замечательном рассказе «Хлыстовки» («Кирилловны»). Цветаева очень рано почувствовала свою исключительность, ей нужно было быть избранной, выше всех. Так, Анастасия Цветаева писала об «остром восприятии Мариной того, что все принадлежит ей одной, ей, ей, ей, больше, чем кому-либо...» Ее целью было, полагала Ася, «ни с кем не делиться, быть единственной и первой во всем». Как выразилась Цветаева в одном из стихотворений: «Чтобы в мире было двое: Я и мир!» С горечью отмечала Марина Ивановна в своей автобиографии: «Я у своей матери старшая дочь, но любимая – не я. Мною она гордится, вторую любит. Ранняя обида на недостаточность любви».

И Марину просто очаровала любовь женщин-хлыстовок к ней. В рассказе она пишет: «Кирилловны, удостоверяю это с усладой, меня любили больше всех, может быть, именно за эту мою жадность, цветущность, крепость... зато, что такую вот дочку они бы, бездетные, хотели, одну – на всех!.. Есть у меня из всех видений райского сада Тарусы одно самое райское, потому

что – единственное. Хлыстовки нас всем семейством пригласили на сенокос... и там... Кирилловны – окружая, оплетая, увлекая, передавая из рук в руки, точно вовлекая меня в какой-то хоровод, – все сразу и разом завладели мной, словно каким-то своим общим хлыстовским сокровищем. Своих... я в этом раю не помню. Я была – их». И когда женщины предложили девочке остаться с ними, жить в их саду, то в Марине вспыхнула «дикая, жгучая, несбыточная надежда: а вдруг?» Анастасия Цветаева отмечала, что *«они (хлыстовки) отличали Мусю за ее ум и крутой нрав, особенно любила ее молодая Маша, некрасивая, говорливая, и было вокруг них – колдовство»*.

Марина вспоминает еще один яркий эпизод, оставшийся в ее памяти. Летом Кирилловны приносили Цветаевым клубнику на продажу. Чтобы скрыть свое сильное желание (это запрещалось) полакомиться ягодами, девочки стояли позади матери («мать нам словами никогда ничего не запрещала, глазами все»), а одна из Кирилловн «с понимающей усмешкой... не отпуская все еще потупленными глазами уходящую спину матери, спокойно и неторопливо – в ближайший, смелейший, жаднейший рот (чаще – мой!) ягоду за ягодой, как в прорву. Откуда она знала, что мать не позволяет есть – так, до обеда, помногу сразу, вообще – жадничать?» Кирилловны понимали и любили Марину, сочувствовали ее желаниям, и она отвечала им взаимностью, они считали ее своей «гостьей... мечтанной – дочкой мысленной». В 1916 году Цветаева писала Петру Юркевичу, брату своей гимназической подруги: *«Долго, долго – с самого моего детства, с тех пор, как я себя помню, – мне казалось, что я хочу, чтобы меня любили. Теперь я знаю и говорю каждому: мне не нужно любви, мне нужно понимание»*.

Эти детские впечатления остались столь сильными в памяти Цветаевой, что она захотела быть похороненной на хлыстовском кладбище в Тарусе. Как завещание звучат ее слова: *«Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника»*.

Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили с тарусской каменоломни камень: "Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева"».

Принимая во внимание значение, которое придавала Марина Ивановна хлыстовкам, хлыстовскому учению, следует уделить некоторое внимание этой секте. Секта хлыстов возникла в 1645 году, основателем ее называют Данилу Филиппова из Костромы. Главное в их вере было то, что они верили во вселение святого духа в человеческую плоть благодаря молитвам и посту. Человек, в которого «вселялся» святой дух, становился воплощенным Иисусом Хрис-

том, ему поклонялись и молились. Хлысты называли свою секту «кораблем», сравнивая ее с ковчегом из Библии. Вступая в секту, хлысты принимали на себя обет целомудрия, и рождаемость среди последователей их учения была равна почти нулю.

Первым тарусским «Христом» стал крестьянин М.Ф. Рыбаков, далее П.П.Семенов и, после его смерти, Захар Михайлович Лихоманов, ставший самой яркой личностью в истории сектанства в Тарусе. Он же стал одним из главных обвиняемых судебного процесса в Тарусе над хлыстами в 1895 году. Захар Михайлович поддерживал отношения (из-за своей болезни) с земским врачом И.З. Добротворским, который жил в доме Лихоманова с мая 1885 года. Цветаевы, родственники Добротворских, общались с тарусскими хлыстами и здесь.

М. Цветаева в своем рассказе ставила вопрос: «Почему Кирилловны?» Разгадку дала С. Виноградова в статье «Сектантское бремя, хлыстовская дочь» («Наш современник, 1997, N 8). Она нашла архивное дело (Т.1 за 1893 г.), где указано, что «в приходе Воскресенской церкви города Тарусы к секте хлыстов принадлежат 14 женщин, возрастом от 8 до 80 лет... Живут эти женщины в городе Тарусе на Воскресенской улице в двух домах. Особого внимания заслуживают переселенки из села Истомино (самый опасный центр в распространении хлыстовского лжеучения), так как... в их доме помещается хлыстовская молельня. Дом этот принадлежит Мелании Кирилловне Федотиковой».

Жила же Федотикова в этом доме со своими родными сестрами Марией Кирилловной, Еленой Кирилловной, Аксиной Кирилловной и племянницами Екатериной, Марией, Татьяной и Прасковьей, дочерьми ее родного брата Онисима Кирилловича. Так, вероятно, и стали называть всех живущих в «ихнем гнезде хлыстовском» Кирилловнами. С. Виноградова считает, что «хлыстовщина стала частью ее <Марины> души и той России из далекого детства, которой потом уже никогда не было. Она, с ее самобытной русскостью, все сильнее воскрешала в памяти тарусские холмы, окские дали...» Кстати, по сведениям художника Ватагина, хлыстовки занимались народными искусствами: вышивкой калужского стиля и ткачеством дорожек-ковров.

Чувства, фантазии, развитое воображение Марины в детские годы отразились в ее рассказе «Черт». Она в возрасте пяти-шести лет придумала для себя фантастического черта, который являлся ей и в Москве, и в Тарусе, но непременно в комнате старшей сводной сестры Валерии. Она говорила, что комната Валерии была «комнатой моего преступления – материнского запрета», здесь она читала то, что запрещала мать, и поэтому здесь же и появлялся черт («пришел на готовое место»). М. Цветаева писала: «По летам, когда мы переезжали на дачу, Черт переезжал с нами, вернее, уже оказывался...

сидящим на Валериной кровати в ее тарусской, узкой, желобом вылетавшей в жасмин комнате, с вертикальным желобом огромной, дикой в июле, чугунной печи. Когда на Валериной кровати сидел Черт, казалось, что в комнате вторая чугунная печь, а когда не сидел, — чугунная печь в углу выглядела им». И Марина прижималась к печи, ассоциируя ее с «серым другом», «стриженным, горячим от лета, затылком, читая Валерии вслух запрещенные матерью... "Мертвые души". В сновидениях или фантазиях Марины Черт спасает ее, когда она тонет в Оке, и поднимает ее «высоко над Окой, голова под небом... и... она... его безумно любит и совсем не боится». Черт опускает Марину на другой берег — «тот, где дом Поленова и деревня Бехово», — и предлагает ей выйти за него когда-нибудь замуж, чем приводит ее в восторг. Не в состоянии удержать в себе этого триумфа, Марина рассказывает об этом матери и получает в ответ презрительное: «Поздравляю!... Хороших детей через пропасть переводят ангелы, а таких, как ты...» Но теперь Марина, избрав в друзья Черта, по-другому смотрит на мать, «такую одинокую». «Он даже не знал, что у меня есть мать. Когда я была с ним, я была — его девочка, его чертова сиротиночка. Черт в меня, как в ту комнату, пришел на готовое. Ему просто нравилась комната... и... девочка в столбняке любви на пороге», — писала она. И еще об одной «ужасной тайне детства» пишет Цветаева в этом рассказе. Это было — «Бог — Черт!» «Между Богом и Чертом не было ни малейшей щели, чтобы ввести волю, ни малейшего отстояния, чтобы успеть ввести, как палец, сознание и этим предотвратить эту ужасную сращенность. Бог, из которого вылетал Черт, Черт, который врезался в «Бог».

По словам С. Виноградовой, в этих двух рассказах («Хлыстовки» и «Черт») заключена тайна М. Цветаевой. «Тайна или, вернее, правда, заключенная в следующем: в ней росли и спорили, еще с самого детства, два начала, разводя и сводя одновременно Бога и черта, хлыстов и священников», — писала Виноградова.

Увлечение М. Цветаевой А.С. Пушкиным, его стихами, поэмами, самой личностью поэта проявилось с ранних лет. Мысли о Пушкине, его стихах не покидали ее и в Тарусе. А увлечение Пушкиным началось после того, как Марина в шестилетнем возрасте прослушала сцену объяснения Татьяны и Онегина из романа «Евгений Онегин». И это настолько поразило ее, что в дальнейшем в повести «Мой Пушкин» она написала: «Эта первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с этой самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь — обрекла». И с тех пор, по словам А. Цветаевой, «Муся читает стихи Пушкина "запоем", пряча от мамы то, что для взрослых».

Часто пушкинские строки вызывают у нее ассоциации с тарусской природой, местами, которые дороги ей. Например, строки из стихотворения «К няне» – «Одна в глуши лесов сосновых/ Давно, давно ты ждешь меня» – напомнили Марине тарусские сосны: «Леса сосновые я тоже знала, у нас в Тарусе, если идти Пачевской ивовой долиной, которую мать называла Шотландией, к Оке, вдруг – целый красный остров: сосны! С шумом, с треском, с краской, с запахом, после ивового однообразия и волнообразия – целый пожар!.. В этих соснах никто не живет. В этих соснах, в таких же соснах, живет пушкинская няня...» Кстати, уже тогда Марина из этого стихотворения делает интересный вывод: «Пушкин из всех женщин на свете больше всего любил свою няню... Такая нежность слов у Пушкина не нашлась ни к одной».

Наилюбимейшее (по ее словам) пушкинское стихотворение Марины в детстве – «К морю». Все тарусское лето 1902 года она переписывала его «из хрестоматии в самосшивную книжку». А переписывала для того, «чтобы всегда носить с собой в кармане, чтобы с Морем гулять в Пачево и на пеньки, чтобы с Морем мое было, чтобы я сама написала». Образно представила она себя в повести «Мой Пушкин»: «Все на воле: я одна сижу в нашей верхней балконной клетке и, обливаясь потом – от июля, полдня, чердачного верха... – и разрываясь от восторга, переписываю черным, отвесным, круглым, крупным и все же тесным почерком – "К морю"». Вспомним ее отношение к нелюбимому занятию музыкой в такой же жаркий летний день в Тарусе, разница огромна. И если вдруг Цветаевой что-то не нравилось в оформлении, то эта книжка отбрасывалась и «огромной вышивальной иглой» сшивалась новая, начинавшаяся со строки: «Прощай, свободная стихия!» Причем слово «стихия» ассоциировалась у нее со словом «стихи».

Любимым словом и фразой этого стихотворения у Марины было: «В о т щ е рвалась душа моя! Вотще – это т у д а. Туда, куда и я. На тот берег Оки... в тетино детство... В о т щ е – это в чужую семью, где я буду одна, без Аси, и самая любимая дочь, с другой матерью и с другим именем...» Стихи вызывали у нее бурные душевные переживания. Со строки «Прощай же, море! Не забуду...» Марина начинала плакать: «... ведь он же это морю – обещает, как я – моей березе, моему орешнику, моей елке, когда уезжаю из Тарусы...» Это отношение Цветаевой к стихотворению запомнилось и Анастасии, которая пишет о том, что Марина и она постоянно повторяют его. Вот как описывает А. Цветаева отъезд из Тарусы осенью 1902 года: «Последний день. Подан тарантас.

*...Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты,
И долго, долго слышать буду...–*

бормочем мы, глазами, полными слез, глядя на исчезающую Тарусу... Предчувствовали ли мы, что столько лет ее не увидим?»

Любовь к Пушкину, его стихам останется с Цветаевой навсегда. 31 июля 1936 года Сергей Эфрон пишет из Парижа сестре Лиле: «Марина работает над переводом Пушкина... на французский язык. Получается у нее, поскольку могу судить, замечательно. Так, как, верно, написал бы сам Пушкин. Особенно хорошо переведено – "Прощай, свободная стихия!..". Готовит к Пушкинскому столетию». В 1936 году М.И. Цветаева перевела на французский язык 16 своих самых любимых стихотворений Пушкина.

Поздней осенью 1902 года заболевшая туберкулезом Мария Александровна Цветаева уезжает с детьми за границу на лечение. В письме к М.С.Фельдштейну от 8.06.1913 г. Марина вспоминала: «Когда мне было 9 лет – мы были тогда в Тарусе, – я сказала гувернантке: "Мы живем здесь семь лет подряд, но мне почему-то кажется, что наша жизнь очень изменится и мы сюда долго не приедем". Через месяц мама заболела туберкулезом, мы уехали за границу и вернулись в Тарусу через 4 года...» На время отъезда дачу в Тарусе Цветаевы сдали талантливому художнику В.Э. Борисову-Мусатову, который в октябре 1905 года умер здесь же. Среди картин, созданных художником за полтора последних месяца жизни, есть три пейзажа: «На балконе. Таруса», «Куст орешника», «Осенняя песнь». Эти прекрасные работы написаны около дачи Цветаевых и позволяют нам увидеть глазами Виктора Эльпидифоровича природу, окружавшую Марину Цветаеву многие годы подряд. В наши дни Г. Маневич в статье «На заре творчества – Таруса» в журнале «Мир Паустовского» (1998, N 11–12) высказала такую мысль: «Сегодня в культурно-мифологическом пространстве, именуемом «Таруса», образы художника Борисова-Мусатова и поэта Марины Цветаевой существуют в одном иерархическом ряду».

Вновь приезжают Цветаевы в Тарусу только летом 1906 года, перед их приездом дача была отремонтирована. Мать уже была смертельно больна, но гордо, сама, без помощи вошла в дом. Марина запомнила этот момент, описав его в рассказе «Мать и музыка»: «Но в дом она себя внести не дала. Встала и, отклонив поддержку, сама прошла мимо замерших нас эти несколько шагов с крыльца до рояля, неузнаваемая и огромная после нескольких месяцев горизонтали...»

– Ну посмотрим, куда я еще гожусь? – усмехаясь и явно себе сказала она. Она села. Все стояли. И вот из-под отвычных уже рук – но мне еще не хочется называть вещи, это еще моя тайна с нею... Это была ее последняя игра...»

Молодость брала свое, и после нескольких лет разлуки со старым домом Марина и Ася быстро обежали свои любимые уголки: сад, двор, спуск к Оке,

где «берег был песчаный, песок очень тонкий и светлый, почти серебряный, пахучие речные лопухи...»

Мать старалась, чтобы девочки занимались музыкой («звукам Марусиной игры мама радовалась»), шитьем (для этого была нанята портниха). Анастасия вспоминала: *«Помню вздох, с которым Маруся... в задумчивости взяв в руки иглу, взглянула беспомощно, с отчаянием на портниху-учительницу. Вдела, вставила кончик иголки. А теперь – куда? влево? Зеленые близорукие глаза ее смотрели с подозрением на два сложенных белых края материи, по которым должен был пойти шов. Ей было одинаково неудобно шить вправо или влево. Велено было – влево, и ее игла медленно поползла вперед...»* Марина вообще не любила заниматься женским рукоделием: *«...она ненавидит свое рукоделие всем пылом души, к крючку в ее руках... она ощущает полное отвращение».* Но, тем не менее, в Германии, в пансионе Бринк на уроке по вязанию она крючком связала фигурку черта с «хвостом и рождками», чем вызвала сильный гнев воспитательниц (она не забыла своего «серого друга»).

Вечерами у сестер были иные занятия. Их сводная сестра Валерия писала о том времени, что «сестры были большие любительницы приключений, ночных костров, фантастических рассказов, романтики стихов». В те дни с Мариной произошел любопытный случай. Марина с Валерией шли как-то вечером от Добротворских на свою дачу мимо кладбища и несли в руках 2 толстых тома «Войны и мира» Л. Толстого. Вдруг Марина предложила Валерии заночевать на кладбище (дома думали, что они ночуют у Добротворских). И вот девушки, подложив под головы тома Толстого, улеглись на краю кладбища за кустами. Валерия вспоминала: *«Поднялся ветерок, стало беспокойно. Мы придвинулись друг к другу... Лежать неудобно – от жестких переплетов голове больно... Уснуть почти невозможно: так, маета одна!»* Наконец уснули. А ранним утром их разбудили крики плотогонов, и сестры бродили и любовались «на всю эту незнакомую им утреннюю красоту...». «Цветов набрали полны руки, от мокрой травы в башмаках была вода, платье чуть не до пояса намокло, висит, как клеенка, хлопает, шагать мешает», – вспоминала Валерия в своих «Записках».

В начале июля состояние матери стало критическим. Иван Владимирович писал из Тарусы за неделю до ее смерти: *«Положение моей больной становится все хуже... Все, что называется телом, съедено и исчезло».* И 4 июля девочек позвали прощаться. Вот как писала об этом Анастасия: *«Мы пришли, мамин взгляд встретил нас у самой двери. Кто-то сказал: "Подойдите..." Мы подошли. Сначала Марусе, потом мне мама положила руку на голову. Папа, стоя в ногах кровати, плакал навзрыд... "Живите по правде, дети! – сказала она. По правде живите"».* Марине запомнились ее

последние слова: *«Мне жалко только музыки и солнца»*. Об этих трагических днях вспоминает также М. Цветаева и в письме к В. Розанову в 1914 году: *«Мама умерла 5-го июля 1906 г. в Тарусе Калужской губернии, где мы все детство жили по летам. Смерть она свою предвидела ясно. — "Теперь начинается агония"»*.

За день до смерти она говорила нам с Асей: *"И подумать, что какие угодно дураки вас увидят взрослыми, а я..."*. И потом (эти слова жили в памяти Марины): *"Мне жать только музыки и солнца!"* 3 дня перед смертью она ужасно мучилась, не спала ни минуты.

— *"Мама, тебе поспать бы"...*

— *"Выплюсь — в гробу!"*»

Мать оставила завещание: до сорока лет Марина и Ася могли получать лишь проценты с оставляемого им... капитала. Есть слух, что мать сказала при этом: *«А то они все истратят на революцию!»*

Молча восприняли сестры известие о смерти матери, которая умерла 5 июля 1906 года около 4 часов дня. Горе пришло потом, и Марина и Ася остались без материнской поддержки и заботы в тот возрастной период жизни, когда она действительно необходима. Позже Марина признавалась: *«Главное — росла без матери, т.е. расшибалась обо все углы»*. А. Саакянц сделала вывод, что *«одинокость, в котором оказалась Марина, развило в ее характере необратимые свойства, усугубило трагический склад ее натуры»*. Жизненным девизом Цветаевой стал лозунг: *«Одна — из всех — за всех — противу всех»*. Потом в анкете Марина написала: *«Любимые вещи в мире: музыка, природа, стихи, одиночество... Был бы щит, начертала бы: «Ne daigne!» (Не снисхожу!)»*. Этот девиз она придумала за несколько дней до рождения сына, который как бы мысленно дарила ему. В «сводных тетрадах» она писала: *«Девиз, мною найденный и которым счастлива и горда больше, чем всеми стихами вместе. Ne daigne — чего? Да ничего, что — снижает: что бы оно ни было. Не снисхожу до снижения (страха, выгоды, личной боли, житейских соображений — и сбережений). Такой девиз поможет и в смертный час»*.

Марию Александровну похоронили в Москве, на Ваганьковском кладбище. Это было тяжелое время в жизни семьи. Остаток лета Иван Владимирович Цветаев с детьми провели в Тарусе. К началу учения Марина уехала в Москву, поступив в интернат гимназии фон Дервиз. Ася с отцом оставались еще в Тарусе, где с Иваном Владимировичем после всех переживаний случился удар и он долго болел.

Примерно к этому времени относятся заметки Марины в «сводных тетрадах», которые она напишет уже в Чехии. По ним мы можем понять, насколько необычным человеком была М. Цветаева, в каком состоянии находи-

лась ее психика, в т.ч. и в период пребывания ее в Тарусе этим печальным летом 1906 года. Она пишет о себе, о своем состоянии: *«Летаргия: усиливающийся звон, скованность (мертвость) тела, единственное живое – дыхание, единственное сознание – дышать. И вдруг – сразу – отпускает. Это не сон ... только полная беззащитность слуха и тела: не хочу слушать и не могу прервать, хочу двинуться и не могу начать. Раздвоение сущности: тело – мертво и существует только в сознании. На кровати ничего нет кроме страха перестать дышать... Варианты: возглас (чаще издевательский), иногда – одна интонация (от которой холодею) – среди полного бдения (но всегда в темноте), иногда, впрочем, и посреди чтения, – интонация издевки или угрозы, затем: постель срывается, летаем – я и постель – вокруг комнаты, точно ища выхода, окна: простор, постели нет, я над городом, лесом, морем, падение без конца, знаю, что конца нет.*

Либо: воздушное преследование, т.е. я – по воздуху, те – по земле, вот-вот достанут, но тогда уже я торжествую, ибо – те не полетят.

Но все: и только звон, и полет с постелью, и пасть – не упасть, и погоня – все при полном сознании скованности тела, лежащего на постели, – даже когда я с постелью вылетела в окно – все, как спазма, меня свело, и, если не отпустит, – смерть. И сквозь все: погоню, полет, звон, выкрики, единственный актив и физический звук собственного дыхания.

Когда мне было четырнадцать лет, мне наш земский тарусский врач (Иван Зиновьевич Добротворский, свойственник отца) в ответ на рассказ сказал, что от глаз – зрения. Но я тогда уже поняла, что глаза не при чем, раз все дело в слышимом и – больше! – раз ничего не вижу. Другие (не врачи) клонились к отделению астрального тела и прочему...»

Сама же Марина объясняла эти явления «мезью» сердца, которое мстило ей ночью за то, что, как она говорила, «делаю с ним днем».

В очередной раз Марина с Асей и Валерией приехали в Тарусу в апреле 1907 года. Марину за бунтарские настроения, дерзость исключили из гимназии. *«Тарусская старушка Александра готовила нам еду, все было предельно просто и весело»,* – писала Анастасия. Вместе с местными ребятами они вставали рано утром смотреть восход солнца, катались на лодке, собирали цветы, в ночь на Ивана Купала искали клад, вечерами ходили гулять. А. Цветаева вспоминала: *«Мы жгли костры, пекли картошку, грели промокшие от обильной росы ноги... Марина рассказывала что-то из французских, немецких книг, и свое вплетая, романтическое, необычайное, – ребята слушали, не сводя с нее глаз...»* На годовщину смерти матери ездили в Москву и потом снова – «праздник тарусской природы, роши, холмы, Ока и несказанная прелесть родного места...»

Скорее всего, к этому же периоду жизни относится и автобиографический рассказ М. Цветаевой «Жених». В нем речь идет об их тарусском знакомом Анатолии Корнелиевиче Виноградове (1888–1946), который впоследствии стал писателем и переводчиком, автором историко-биографических книг «Три цвета времени», «Черный консул», «Байрон», «Стендаль и его время», «Осуждение Паганини» и др. Его отец в 1890 году переехал в Тарусу, работал народным учителем, в 1906 году получил место учителя в Москве. М. Цветаева писала: «... у жениховых родителей в городке Таруса была дачка». Литератор Е. Кончин так описал эту дачу: «Дом был двухэтажный, бревенчатый, с террасами и мезонином, с расписными печами...» Отношение Марины к А. Виноградову было настороженным, он явно ей не нравился. Это заметно и по тому, какими словами она описывала его внешность, поведение – «благообразный», «потный», глаза, как «два честных пустых места». Цветаева считала, что «охлаживает» он ее и сестру Асю из-за их отца, который мог бы помочь ему в будущем сделать карьеру.

Марина также вызывала у Анатолия сложные чувства. 15 июня 1908 года он писал В.А. Ватагину из Тарусы: «...Марина Цветаева была до приезда нашего у Некрасовых, и Madame Некрасова получила несколько неприятных впечатлений: Марина что-то говорила о Бальмонте, М.П. назвала его Бальмошкой и сказала о нем какой-то вздор, Марину это взорвало, она нагородила кучу дерзостей. М.П. сказала, что она (Марина) была в предыдущей жизни "гуннской девицей", на что Марина ответила, что человеку умному и развитому стыдно пробавляться такими баснями. Возникла взаимная ненависть. Мною Марина недовольна, ибо папаша ее, Иван Владимирович, возымел ко мне необычайное расположение, причины коему не придумаю, и выразил это многими лестными для меня содействиями». Марина же дружила, по свидетельству Анастасии, с сестрой Анатолия, Ниной Виноградской. Эта дружба продолжалась и в Москве. В 1909 году, в Париже, Цветаева вспоминает Тарусу, Оку, свою тарусскую подругу и посвящает ей стихотворение «Нине»:

.....
Грустных ландышей в вазе цветы,
Там мирок на диване кошачий...
В тихих комнатках маленькой дачи
Все как прежде. Как прежде и ты.

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.
Я любила тебя как сестру,
И нежнее, и глубже, быть может!

Как сестру, а теперь вдалеке,
Как царевну из грез Андерсена...
Здесь в Париже, где катится Сена,
Я с тобою, как там, на Оке.

(1909 г.)

Летом 1908 года Марина приехала в Тарусу со своей гимназической подругой Софьей Юркевич, они жили в доме Сусанны Давыдовны Мейн – Тьо (так назвала себя сама Сусанна Давыдовна – от русского слова «тетя»). Она была родом из Швейцарии, воспитывала Марию Александровну, мать Марины и Аси, после смерти ее матери. После замужества Марии Александровны ее отец, Александр Данилович Мейн (1836–1899), из благодарности за то, что Сусанна Давыдовна посвятила себя его семье, женился на ней и купил для нее перед своей смертью в 1898 году в Тарусе «дом с фруктовым и липовым садом». Анастасия Цветаева вспоминала, что *«была куплена в Тарусе на Оке усадьба с огромным яблоневым садом, ягодами, с липовой аллеей, сиренями и огородом, домик в семь комнат, с террасой..»* Тьо была очень добра и чувствительна, очень любила свою «Манечку» и ее дочек. Анастасия пишет, что для нее важен был только опрятный внешний вид, «все остальное пропадало в ее любви» к ним. В Тарусе ее называли «генеральшей Мейн», она «щедро раздавала свои излишки тарусянам, считая святым делом бедствующим помогать».

Марина предложила Софье: «Едем со мной в Тарусу! Живем там у тетки... Мы с ней не спорим, но и не очень-то считаемся. Тетя двери запрет, а мы – в окно». По воспоминаниям Софьи Ивановны Юркевич, в замужестве Липеровской (1892–1973), они плыли в Тарусу пароходом по Оке, им было по 15 лет:

Звонят – поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «Пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет.

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!..

(1911 г.)

Прекрасно чувствовали они себя на реке, наслаждаясь запахами лета. Марина познакомила Соню с тетей, «худой, сухонькой старушкой в белом

чепчике с лентами и в длинном белом капоте с оборками и вышивками». Образ тети, по мнению Софьи, был отражен и в обстановке ее дома: «...мягкая мебель, покрытая белыми полотняными чехлами, плотные белые занавески, закрывавшие все окна, чтобы "чужая" жизнь не вторгалась в этот замкнутый круг».

Вот так описала их совместную жизнь с Мариной в Тарусе С.И. Липеровская: «По правилам дома, мы должны были возвращаться с прогулки в 10 часов вечера. Тогда запирались все двери, и тетя ложилась в кровать, уверенная в том, что все правила, предписанные ею, неуклонно выполняются.

Однако с этого часа и начиналась наша "настоящая" жизнь. Открывались окна, и мы бежали на речку, к лодкам. В светлые ночи гребли к лунной дорожке и плыли далеко-далеко, всматриваясь в потемневшие крутые берега Оки, заросшие густым кустарником. Становилось жутко от этих берегов, оврагов... Любили мы ездить на пароме... Ночи проводили, укрываясь в копнах сена... Луна заливала светом часть луга; за лугами темнели леса; с берегов Оки поднимался туман... Зачарованные красотой летней ночи, увлеченные поэтическими образами, мы были счастливы. Марина читала любимые строки Пушкина и немецких романтиков: Гете и Гейне... Читала и свои стихи... Марина не уставала читать стихи. Они были созвучны переживаниям. Творческая напряженность никогда ее не покидала.

На рассвете выбирались из копны и шли росистыми лугами... Мы дрожали от холодного предрассветного ветерка, возвращались промокшие, утомленные, но полные живых, всякий раз новых впечатлений.

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

С особенной нежностью относились мы к тарусским далям во время захода солнца. Взбирались на высокий берег Оки и смотрели на "далекие заливы песка", на луга "разливанные" и на воды, отливающие золотом.

Предчувствие трагического конца было у Марины даже и тогда, в счастливую пору юности... Даже среди обычного разговора иногда взгляд Марины затуманивался, и она без видимой связи с темой беседы, как будто видя страшный призрак, говорила, что умрет молодой и показывала жестом, что надевает на шею петлю».

По этому поводу уместно вспомнить слова И. Кудровой о творчестве М. Цветаевой: «В далекой стране своего детства она не отдыхает, она настойчиво ищет и находит зерна, позже проросшие и разросшиеся в трагическое

мироощущение человека, отъединенного от времени и общества». Марина в одном из писем написала: «Я — не для жизни».

В лето 1908 года Марина написала три письма из Тарусы Петру Ивановичу Юркевичу, брату Софьи. В них отражены ее чувства, мысли, события этого периода жизни в Тарусе. Например, она пишет о своем желании «уйти из жизни», но только «возможность близкой революции удерживает... от самоубийства». Цветаевой кажется, что в жизни нет героев. Она задает вопрос: «Где же красота, геройство, подвиг? ... Почему люди вошли в свои скорлупки... всего боятся...?» Ей страшно не хочется заниматься химией, алгеброй (предстояла сдача экзаменов при поступлении в 6-й класс гимназии М. Брюхоненко), ее раздражает брат Андрей со своей собакой Мильтоном.

В следующем письме из Тарусы она делится впечатлениями о прочитанной книге Достоевского «Подросток», считает, что эта «вещь... глубокая, продуманная», приводит цитаты из этого произведения, где отражены мысли, близкие ей самой. Марина переписывает для Юркевича очень затронувшее ее стихотворение революционного поэта Евгения Тарасова о жертвах Декабрьского вооруженного восстания 1905 года, его стихи она ставила в ряд «душевных событий» своего отрочества.

В письме от 4 августа Цветаева пишет, что ей «было страшно тяжело эти последние дни. Учиться совсем не могла». Она обиделась на Юркевича за резкие слова в ответном письме к ней, но потом все же попросила у него прощения, вероятно, чувствовала свою вину. И признавалась, что «прежде чем написать это... пережила много скверных минут и долго боролась со своим чертовским самолюбием».

В это же лето Марина придумала для Аси любовную историю. Якобы Анастасию полюбил юноша по имени Юрий, который ее «увез на Улай (пещеры за Окой, где когда-то скрывался разбойник этого имени)»... Лето продолжалось, Соня и Люда Добротворские заезжали на своей большой лодке, и все вместе «ездили по зеркальной в тихие вечера Оке», ходили на любимые места далеко за Тарусой. Лежа с Асей на теплом песке, Марина проговорила: «На будущее лето поеду в Париж непременно!» А Ася спросила: «А Тарусу не жаль?» И получила ответ: «Жаль...»

Очень переживала в Тарусе за свою «Мунечку» Сусанна Давыдовна (Тьо). Анастасия вспоминала ее слова: «В Париж! Одна! О! Шестнадцатилетняя девушка! Какой ужас! О, если б бедная Маня это знала! Молодая девушка! В Париже! В этом ужасном городе!»

В самом конце лета Марина из Парижа приехала в Тарусу. «Она читала нам свои парижские стихи, рассказывала о Париже, о Лувре, о Саре Бернар... Вечерами приходили мальчики... Вечер был их, и они проводили его

непрерменно с нами. Марина, девочки, я ходили с ними вдоль Оки ко входу в Пачевскую долину, к соснам, и там, на неизменном нашем месте, жгли костер. Вставала низкая луна, рыжим шаром, желтея, подымаясь, Марина рассказывала о Франции...», — так описывала их времяпровождение Анастасия. Общались же они с Шурой и Олей Михайловыми, двумя Лидами — Шпагиной и Зябкиной, Шурой и Сережей Успенскими, Мишей Дубцом, Гарькой Устиновым и другими тарусскими ребятами. Марина среди них выделяла Шурочку Михайлову, Шурочка всегда «слушала Марину внимательно и восхищенно».

В день своего семнадцатилетия 26 сентября 1909 года в Тарусе Марина пишет стихотворение «Молитва», которое стало, по мнению А. Саакянц, «ее первым литературным манифестом».

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
«Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа — мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки,
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

Марина становится взрослой, понимает, что нужно жить настоящей жизнью, думать о живых людях. И она пишет из Тарусы своему приятелю Л.Л. Кобылинскому, в Москву: *«Милый Лев Львович! У меня сегодня под подушкой Ваши письма, и я видела сны – о Наполеоне и о маме... Милый Чародей, непременно приезжайте в Тарусу, многое, многое вам расскажу»*. Чародей – это домашнее прозвище Кобылинского (Эллиса). В октябре 1909 года, в Тарусе же, Цветаева выражает эти свои настроения в стихотворении «Новолунье»:

Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем скрываю, днем молчу.
Месяц в небе – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

(Кстати, Кобылинский хотел жениться на Марине, она не согласилась.)

Осеннее утро отъезда из Тарусы в том году, по выражению Анастасии, «было золотое и синее всех утр».

Весной же 1910 года Андрей и Анастасия Цветаевы снова поехали в Тарусу, Марина ехать отказалась. Она уже купила билеты на все гастрольные спектакли с участием Сары Бернар, в том числе и на «Орленка» Ростана, где Сара играла главную мужскую роль. Анастасия беспокоилась за сестру, тосковала по ней. Ее очень волновал намек Марины, что спектакль «Орленок» с Сарой Бернар как-то связан с каким-то ее намерением. Она колебалась в чем-то, задумывалась... И добрая Тьо, любовно заботясь об Асе, недоумевала: «Когда же придет Мунечка? Зачем ей так нужна эта Сара Бернар, когда тетя ее так ждет!»

И когда, наконец-то, неожиданно Марина приехала в Тарусу и вошла в дом Тьо «из той теплой прохладной комнаты, где пахло нагретой керосинкой, кофе и печеньем», то радости тети и Аси не было предела. Здесь стоит рассказать занятный эпизод из этой встречи. Экспериментируя со своей внешностью, Марина обесцветила волосы, и при виде ее Сусанне Давыдовне ста-

ло дурно. Все испугались, думая, что она умирает. Но страдавшая тетя произнесла: «О, как ужасно! Что ты сделала, бедное дитя!.. Бедная девочка, без матери! Если б мать знала...!» Эта сцена запомнилась Анастасии. (Следует учесть, что тетя говорила на французском и ломаном русском языках. И еще один небольшой факт : в этом же году Марина обрила голову, избавившись таким образом от обесцвеченных волос.)

После того, как Тьо немного успокоилась, последовали «слезы и радость, и кофе со сливками, печенье, варенье, и призыванье наказания на Мунечкину подружку (которая посоветовала покрасить волосы), и – кормить, кормить замерзшую Мунечку... А потом – оркестровый вальс Штрауса из Венского леса (музыкальные часы дедушки А.Д. Мейна), и уют, и воспоминания. И оброненное мне Мариной, странное – "Не удалось..." Большого бы она не сказала – я не спрашивала. Я была счастлива, что она здесь!», – вспоминала А. Цветаева.

И только потом, из намеков, Ася поняла, что Марина хотела покончить с собой «в театре, на роستانовском "Орленке", которого играла Сара Бернар. Револьвер дал осечку». Анастасия в своих воспоминаниях говорила также о письме Марины к ней, написанном в дни, когда она в семнадцать лет хотела уйти из жизни. Письмо это сестра получила через много лет. В нем Марина писала «о невозможности жить далее, о решенности вопроса, просталась и просила раздать ее любимые книги и гравюры». Анастасия запомнила слова Марины, обращенные к ней: «Никогда ничего не жалея, не считай и не бойся, а то и тебе придется так мучиться потом, как мне». И через много лет Марина Ивановна написала: «Детство – пора слепой правды, юношество – зрячей ошибки, иллюзии. По юношеству никого не суди... История моих правд – вот детство. История моих ошибок – вот юношество» (Каган Ю.). И, освобождаясь от влияния Наполеона II, которым она увлекалась в юности, Марина писала:

Теперь мой дух почти спокоен,
Его укором не смущай...
Прощай, тоской сраженный воин,
Орленок раненый, прощай!

Ты был мой бред светло-немудрый,
Ты сон, каких не будет вновь...
Прощай, мой герцог светлокудрый
Моя великая любовь!

(«Расставание»)

Дочь Марины Ивановны, Ариадна, написала такие слова в своих воспоминаниях о матери: «...она была увлечена Наполеоном Бонапартом, нет, влюблена в него, готова за него жизнь отдать – столетие спустя; как всякая страсть, которая не есть призвание, это вскоре прошло...» Таким образом, мы можем сказать, что значительную часть времени, посвященную увлечению Наполеоном I и Наполеоном II, М. Цветаева провела в Тарусе, ими были заняты ее мысли, ее душа в то время, когда она гуляла по прекрасным тарусским местам, любовалась природой, занималась творчеством. Это еще раз подтверждает она сама. В своих «сводных тетрадах» Марина Ивановна, обращаясь к Пастернаку, писала: «...я 16-ти лет два года подряд, день в день, час в час любила Герцога Рейхштадского – Наполеона II...» Впоследствии она даже своего сына Мура называла «маленьким римским королем», «Наполеонидом».

27 января 1912 года Марина Ивановна Цветаева обвенчалась в Палашевской церкви г. Москвы с Сергеем Яковлевичем Эфроном, которого очень любила. На внутренней стороне обручального кольца Цветаевой были выгравированы дата свадьбы и ее имя. Ныне это кольцо хранится в Государственном Литературном музее в Москве. Кольцо Сергея не сохранилось. Родились молодожены в один день, только Сергей был на год моложе Марины. Она так писала о молодом муже:

Я с вызовом ношу его кольцо,
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. –
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови...

(1914 г.)

Родителями Сергея были Елизавета Петровна Дурново, аристократка, дочь бывшего адъютанта императора Николая I, и Яков Константинович Эфрон, член революционной организации «Земля и воля», внук уважаемого раввина. Действительно, очень необычный брак для того времени.

Во время свадебного путешествия молодые супруги посетили Германию, Францию, Италию. Все зарубежные впечатления не затмили прелесть Тарусы. И вскоре после открытия Музея изящных искусств, детища И.В. Цветаева, в июне 1912 года Марина и Сергей едут в Тарусу. Марина хочет показать своему мужу любимые места своего детства, юности. Перед отъездом в Тарусу, по словам Анастасии, Марина Ивановна была страшно возмущена,

узнав, что их дачу Песочное продали или хотели продать тарусскому земскому начальнику Петрову, а не Андрею Цветаеву: «Наша дача! Все детство! Господи! И где умерла мама... Какая подлость города – не нам, почти двадцать лет снимали, столько раз хотели купить, они все оттягивали... Что им профессор? Земский начальник важнее...»

Эфроны (Марина вначале носила фамилию мужа) остановились у Су-санны Давыдовны Мейн (Тьо), которая с радостью приняла их. Из Тарусы Марина шлет Асе стихи, которые потом вошли в цикл «Ока»:

В светлом платьице, давно знакомом,
Улыбнулась я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом...
Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе...

Не целуй! Скажу тебе, как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?

Мы вдвоем, но, милый, нелегко мне, –
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат, стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет...

Вечер тих, – не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой...
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой.

Все выражено в этих строках: и печаль по ушедшему детству, и грусть по старому дому, и любовь к тарусским местам... Сохранилось письмо Сергея Эфрона сестре Вере от 7.06.1912 г. из Тарусы, где тот описывает свои впечатления: «...сейчас я в Тарусе. Из окон нашего дома видна Ока, с холмистыми зелеными берегами. Здесь очень и очень хорошо, именно то, к чему я стремился в продолжение нескольких лет. Мы живем в старинном домике, украшенном старым липовым садом. Старая, допотопная Тьо обращается с нами как с детьми, и рассказывает тысячи своих воспоминаний, до поразитель-

ности похожих одно на другое. За кофе и за чаем мы проводим по часу, по полтора». В письме к другой сестре – Лиле – от 16.06.1912 г. он пишет о Тьо: «Хотя от меня она и в восторге, но жить с ней все же ужасно. Эта старуха, несмотря на свою безграничную доброту, может довести человека до дикого бешенства. Она заставляет спать с закрытым окном, бережет от сквозняков, холодной воды, "тарусский анархист" и тому подобное с такой неумолимостью и твердостью, что... Кормит цыплятами, бульоном, сливками и т.д. После обеда часто подается шампанское. Обязательное послеобеденное полоскание рта. Вообще же летом я доволен. Много читаю».

Практически в те же дни (11.06.1912 г.) Марина тоже пишет Вере Эфрон письмо, из которого мы узнаем о мелких подробностях их летней тарусской жизни, о характере и занятиях Сусанны Давыдовны:

«Вот уже неделя, как мы у Тьо. Она делит свою нежность между грачонком, которого выходила, четырьмя котами, голубями, воробьями, курами, нищими и нами. Но на нашу долю все-таки остается много.

От Сережи она в восторге, советуется с ним во всех важных случаях... Мы встаем к 9-ти часам, пьем кофе и сидим за столом часа по два: Тьо то вспоминает старое время, свою молодость и мамину, то жалуется на прислугу и "тарусская свиней" <по ее выражению>! Ее, действительно, страшно обирают. Когда ей, например, понадобится написать русское письмо, она платит 5 р.; за простую палку для флага, срубленную тут же в лесу, с нее берут 2 р. и т.д.

Она вздыхает – дает, иногда даже не вздыхает!

Мы видимся с ней только за едой, остальное время она занята хозяйством, т.е. собственноручно перетирает мебель, посуду, готовит и жалуется на всю эту работу. У нее 3 прислуги: 70-летняя старуха из "самая ужасная город – Нижний, первый забастовщик", горничная и вечно спящий дворник, похожий на лешего. А делает она все сама!

Дом – волшебный, поражает чистотой. Все в чехлах. Я в диком раже. Так хочется рассмотреть все эти стенные и стоячие лампы, канделябры, статуи, картины, диваны, кресла, тумбочки, столы! Но нет: все крепко зашито! В ее комнате всегда полутемно. Над диваном огромный портрет дедушки углем, по бокам фотографии: мамыны детские и наши всех возрастов, на туалетном столике граненые флаконы – увы, пустые! Она не выносит духов, – какие-то полированные ящички с цветами, ручные зеркальца – всякая чудесная мелочь. Часы с вальсами Штрауса и Ланнера больше не ходят, она говорит, что это после нашего последнего приезда.

Скоро зацветут липы. Они окружают весь сад, круглые, темные, страшно густые. Перед террасой площадка, посыпанная красным песком. Раньше

на клумбах росли дивные цветы, теперь же ничего нет, все сожрали и топтали мои враги, предмет моего глубочайшего отвращения – куры».

Сергей очень выразительно характеризует склад характера, ума Марины этого периода жизни в своем рассказе «Волшебница». Главная героиня рассказа Мара (прототип Цветаевой) говорит о себе: «Воображение никогда не предавало меня и не предаст... Мне постоянно нужна стимуляция, только в возбуждении я настоящая... Я могу быть всем, я люблю все, я хочу всего!» И через десятилетие в письме к Волошину (декабрь 1923 года) С. Эфрон уже с горечью дает строгую оценку своей жене: «Марина – человек страстей... Отдаваться с головой своему урагану – для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни; кто является возбудителем этого урагана сейчас – неважно. Почти всегда все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживаются скоро, Марина предается ураганному же отчаянию...» И добавляет слова, которые мог бы сказать едва ли не десять лет назад: «В личной жизни это сплошное разрушительное начало». Но тем не менее он всегда оставался с Мариной. Узы, связывавшие их, были сильнее всех страстей.

Марина и Сергей около месяца пробыли в Тарусе. Перед отъездом Сусанна Давыдовна подарила им 20 тысяч рублей на покупку дома в Москве, свой же дом в Тарусе она завещала Анастасии. Но Асе не пришлось вступить в наследство: пришла революция. В 1919 году Сусанну Давыдовну выгнали из дома, и ее приютил из жалости сосед-огородник. В том же году она скончалась и была похоронена на старом тарусском кладбище. И, конечно же, она не заслужила такой участи. Анастасия Ивановна писала в своих воспоминаниях: «Но не только к нам Тетя была щедра, но и ко всем в Тарусе. К "генеральше" шли все: у кого пала лошадь или корова – им покупалась замена, чьих детей надо было дальше учить – на тетин счет они посылались в Серпухов или Калугу, отказа никому не было».

Летом того же 1912 года Андрей Иванович Цветаев, сводный брат Марины, снял домик в Тарусе. «Он до боли похож на наш навеки утерянный...», – писала Анастасия.

В 1913 году М. Цветаева пишет проникнутое любовью и грустью о Тарусе письмо М.С. Фельдштейну, юристу, профессору права, впоследствии мужу Веры Эфрон, с которым ее познакомил М. Волошин:

«Слушайте! Когда у нас будет дом в Тарусе, обязательно приезжайте. Там липовый сад, два маленьких дома, коты, золотое вечернее небо и наше детство... Вблизи широкая голубая Ока, плоты, у нас будет лодка. Есть еще грустный, грустный, серый, чахлый базар с режущей душу музы-

кой, почта с никогда не приходящими долгожданными письмами, а потом воля, синие дали, огромные луга, костры, небо.

Там очень грустно, почти невыносимо жить. Все кажется прошлым и сном. Главное я забыла: чудные часы со штраусовскими вальсами. Это уже почти смерть, такая острая и сладкая тоска, такая невозможность жить, что становишься тенью, гибнешь, уплываешь.

В этих часах (часы дедушки Мейна в доме Тьо) – весь романтизм, вся боль обожания, вся жажда смерти – вся моя душа.

Но это далеко, далеко».

В 1915 году Марина Цветаева как бы подводит итог своим юношеским стихам, многие из которых были созданы в Тарусе:

Летят они, – написанные наспех,
Горячие от горечи и нег.
Между любовью и любовью* распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век.

В последний раз Марина Ивановна Цветаева приезжала в Тарусу на несколько дней в 1916 году, останавливалась опять же в доме С.Д. Мейн (Тьо). Однако есть данные, что Цветаева бывала в Тарусе и летом 1939 года.

С Тарусой тесно связана также жизнь Валерии Ивановны Цветаевой (1883–1966), сводной сестры Марины Ивановны. Валерия Ивановна впервые приехала в Тарусу в 1891 году. Она очень любила Тарусу, и в 1930 году построила здесь небольшой дом, в котором провела последние годы жизни. Ухаживал за ней в последние годы «старый дед-сторож Осип Тимофеевич, хитрый мужик, себе на уме». И еще один интересный факт, касающийся ее жизни в Тарусе. По словам Ариадны Эфрон, дочери Цветаевой, Валерия после революции «в Тарусе открыла студию танцев в только что закрытой церкви, в такое ужасное время!» Она была увлечена танцевальным творчеством Айседоры Дункан. И Марину, и Асю шокировало то, что внучка священника танцует в церкви. В последние дни жизни Валерия Ивановна говорила, что нужно бы написать о работе студии (она занималась этим и в Москве): «Ведь это было большое дело... 200 человек... Выступали и здесь, и в Серпухове, и в других местах...»

Отношения Марины и Валерии были сложные, они не любили друг друга. По воспоминаниям Ариадны, когда М. Цветаева вернулась в Россию в 1939 году, то Валерия не захотела с ней встречаться и не предложила пожить у нее, хотя у Валерии «была тогда своя большая дача» (может быть,

* Между любовью земной и любовью божественной.

имелся в виду дом в Тарусе). Впоследствии В. Цветаева рассказывала: *«Марина звонила. Хотела встретиться, я ей сказала, что встречаться не хочу. А жаль!»* (В. Лосская).

В Тарусе также около 20 лет жизни прожила и Ариадна Сергеевна Эфрон (1912–1975), дочь Марины Ивановны, которая поселилась здесь в память о матери (похоронена на тарусском кладбище). В 1957 году Ариадна впервые приехала в Тарусу и застала «домик, в котором росли мама и Ася, почти неизменным». В августе 1957 года она писала Б. Пастернаку: *«... я в Тарусе... в той самой Тарусе, где прошло детство и отрочество маленьких Цветаевых, где все прошло, кроме, вопреки пословице, окской воды... Но в чем же дело? Почему именно река остается неизменной? Почему уже давно не та вода остается той самой рекой... и теперь я смотрю на нее и благодаря ее неизменности вижу, осязаю, пью из того источника, который оказался творческим для мамы. Вот это все она видела впервые и на всю жизнь, здесь родились ее стихи, родились, чтобы не умереть. Вот они, рябина и бузина всей ее жизни, горькие ягоды, яркие ягоды. Вот и деревья, у которых "жесты трагедий", и река – жизнь, Лета и все равно жизнь... Ведь важно, чтобы написано было, ведь именно в э т о м чудо, а мы еще хотим и издания написанного, т.е. чуда в кубе!.. Но ведь гораздо важнее, что написанное тобой и мамой доживет до поколений, которых мы сейчас и угадать-то не можем, и с ними вы будете "на ты". Дорогой ценой заставляет жизнь сегодня платить за право жить в завтра, жить во всегда...»*

В судьбе М. Цветаевой и Ариадны некоторое участие принимал наш земляк, писатель Б.К. Зайцев. Он помогал Цветаевой в 20-е годы, летом 1921 года Аля (Ариадна) гостила в деревне в семье родителей Б. Зайцева в с. Притыкино Каширского уезда Тульской губернии. Марина Ивановна писала Волошину о жене Зайцева – В.А. Зайцевой: *«Скоро уезжают Зайцевы. Какой она изумительный человек! Только сейчас я ее увидела во весь рост»*. И о ней же в «сводных тетрадах»: *«Веру Зайцеву я нежно люблю, и она меня, не понимая, очень. Борис Константинович мне скучен»*.

Вспомним желание Марины Цветаевой о том, чтобы на одном из тарусских холмов лежал камень с надписью: *«Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева»*. Первым хотел исполнить это желание студент Семен Островский, большой поклонник творчества поэтессы. Летом 1961 года (по воспоминаниям Валерии Цветаевой, 1962 года) он приехал из Киева, развил бурную деятельность в Тарусе. *«Через час (после приезда), – вспоминала В.И. Цветаева, – Сеня мчался уже на тарусские каменоломни. Разыскал там директора, сообщил ему о цели своего прибытия и так рассказал ему о Марине, ее гибели, горькой ее мечте о камне на любимом холме над Окой,*

будто услышан был голос Марины: камень с полным сочувствием дан. И, сверх всякого ожидания, к концу дня добровольной помощью рабочей силы камень был уже доставлен в Тарусу, к тем самым желанным холмам». Анастасия Цветаева тоже запомнила это событие: «Камень – золотистый гранит, весом 3–4 тонны, – был с большим трудом привезен и установлен... близ могилы Борисова-Мусатова».

Но камень простоял лишь два дня. От Ариадны Эфрон в Тарусу пришла телеграмма: «Любой проект увековечения памяти Цветаевой должен быть утвержден Цветаевской комиссией при Совете (Союзе) писателей. Председатель – Орлов, члены: Эренбург, Паустовский, Алигер, Макаров, Саакянц, Эфрон. Установление памятника в Тарусе в отсутствие семьи, друзей и в обход комиссии считаю недопустимым. Эфрон». 15 августа 1962 года Ариадна Эфрон написала по этому поводу В.Н. Орлову: «Я только что из Тарусы, провела там три дня, узнала историю во всех подробностях. Конечно и несомненно, Островский – чудесный мальчик, вполне, весь, с головы до ног входящий в цветаевскую формулу «любовь есть действие»; мне думается, что, когда соберем мнения всех членов комиссии по поводу его великолепной романтической затеи, надо будет написать ему от имени комиссии преемственное письмо, т.е. суметь и осудить необдуманность затеи, и... поблагодарить его за нее. Мальчишка совершенно нищий, в обтрепанных штанцах, все сделал сам, голыми руками – на стипендию, – да тут не в деньгах дело! Сумел убедить исполком, сумел от директора каменоломни получить глыбу и транспорт, нашел каменотесов – все это в течение недели, под проливным дождем, движимый единственным стремлением выполнить волю... И мне, мне, дочери, пришлось бороться с ним и побороть его. Все это ужасно. Трудно рассудку перебарывать душу, в этом всегда есть какая-то кривда. В данном случае – кривда вполне определенная. Что делать! Что поделаешь!»

Камень был увезен. Валерия Цветаева недоумевала по этому поводу: «Остались фото. На них целы и камень, и подпись. Неужто нельзя было дать им иную судьбу?»

У К. Чуковского в отрывках из дневника, напечатанных в пятом номере журнала «Мир Паустовского» за 1995 год, есть несколько иная версия случившегося. По его словам, К. Паустовский так рассказывал об этом событии:

«Некий энергичный молодой человек пожелал выполнить волю Цветаевой. Он приехал в Тарусу, получил у властей разрешение, раздобыл глыбу мрамора – и пригласил гравера, который и начертал на граните: "Здесь хотела быть погребенной... и т.д." Но в это время какой-то бездарный скульптор ставил в Тарусе памятник Ленину; он узнал о затее энергичного юноши и побежал в горком.

– Что вы делаете? Ставите монументы эмигрантке? Врагу родины и т.д. Там испугались, отменили решение, прислали подъемный кран – и увезли памятник эмигрантке Марине Цветаевой обратно, чтобы он не осквернял Тарусу».

И только 9 октября 1988 года в Тарусе, на берегу Оки был установлен и торжественно открыт памятный камень с надписью: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Автор памятника – скульптор Ю. Александров. На открытии присутствовали писатели, поэты, краеведы, гости из других городов; рядом с камнем были посажены любимые Мариной Ивановной кусты рябины и бузины.

А 6 октября 1986 года на Цветаевской поляне был зажжен первый Цветаевский костер, на который собралось тогда 38 человек. «Когда-то тарусские «хлыстовки» взяли Марину с собой на сенокос, и там сложила Марина сухие сучья шалашиком, чиркнула спичкой, и вот вспыхнул он, самый первый безвестный костер, предтеча нынешних знаменитых Цветаевских костров», – написал Иван Яковлевич Бодров, краевед, журналист, почетный гражданин города Тарусы. На этом первом костре он же зачитал строки Ариадны Эфрон о матери, написанные 12 октября 1966 года, которые она завещала огласить через 20 лет: «Таруса дорога мне не только потому, что я, как очень и очень многие, открыла для себя ее красоту и прелесть, а еще и, главным образом, оттого, что именно здесь прошло детство моей матери, что именно здесь она узнала Россию, сделавшую ее навсегда русским поэтом». Девизом этих костров стали строки Марины Цветаевой: «Птица-Феникс – я, только в огне пою!» Многие поклонники творчества Цветаевой из разных городов собираются здесь и начинают звучать стихи:

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан –
Собеседницы и наследницы!

Серьезные темы выступлений сменяются инсценировками, экспромтами, песнями под гитару, стихами, посвященными Цветаевой, Тарусе, Оке. Московский инженер Александр Ханатов, один из главных организаторов костров, готовит фотомонтажи и альбомы с выступлениями участников предыдущих праздников.

С 1987 года в Тарусе ежегодно осенью организуются Цветаевские чтения, куда собираются участники и гости из Елабуги, Калуги, Москвы, Минска, Новосибирска и других городов, а также с Дальнего Востока. Всех их

новленном доме Тьо (С.Д. Мейн). Предварительно при горисполкоме был создан художественный совет по восстановлению дома, председателем которого стал писатель А. Шеметов. Спонсором восстановления дома Тьо согласился стать коллектив Тарусского филиала Института общей физики, привлекались также благотворительные средства. Музей ведет большую, разнообразную работу по пропаганде творческого наследия М.И. Цветаевой. Например, в сентябре 1998 года прошел Первый Цветаевский детский фестиваль-конкурс, собравший около 100 детей района.

Сбылись предсказания Марины Ивановны Цветаевой:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

И этот «черед» настал, поэзией М.И. Цветаевой увлечены многие люди, почитатели ее таланта. Наследие Цветаевой велико и многообразно. «Более восьмисот стихотворений, двадцать поэм, восемь пьес, около полусотни прозаических произведений, свыше тысячи писем, дневники. Мы говорим лишь о выявленном...», – отметила А. Саакянц в статье «Третье царство».

Верные слова о Марине Цветаевой сказал на Норвичском симпозиуме по русской литературе и культуре поэт В. Корнилов: «Ее делом были стихи. Ради них она жертвовала и своим счастьем, и счастьем близких. Вне стихов для нее не было существования. К каждому году, к каждому ее дню можно было бы взять эпиграфом ее... четверостишие: "И итогом этих (в скобках – несодеянных) грехов – будет легонькая стопка восхитительных стихов"».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Цветаева М.И.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 1, 4–6. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.
2. *Цветаева М.И.* Неизданное. Сводные тетради. – М.: Эллис Лак, 1997. – 640 с.
3. *Цветаева М.И.* Неизданное. Семья: История в письмах. – М.: Эллис Лак, 1999. – 592 с.
4. *Бродский И.* О Марине Цветаевой // *Новый мир.* – N 2. – С. 151–180.
5. *Виноградова С.* Сектантское бремя, хлыстовская дочь // *Наш современник.* – 1997. – N 8. – С. 245–253.
6. Воспоминания о Марине Цветаевой: Сборник. – М.: Сов. писатель, 1992. – 592 с.
7. *Грановский Г.* Записки Валерии Цветаевой // *Октябрь (Таруса).* – 1989. – 22 июня. – С. 4.
8. *Гунченков И.* Цветаевы и Таруса // *Октябрь (Таруса).* – 1989. – 27 апр. – С. 4.

9. Дружинина Н.Л. Из "Записок" // Библиография. – 1993. – № 4. – С.96–98.
10. Каган Ю.М. И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
11. Кацева М. Последняя земная дорога Марины Цветаевой // Грани. – 1995. – №176. – С.110–132.
13. Кончин Е. Осуждение Виноградова // Мир Паустовского. – 1998. – № 11–12. – С.56–58.
14. Кудрова И. Воскрешение и постижение // Нева. – 1982. – № 12. – С.151–159.
15. Кудрова И. Листья и корни // Звезда. – 1976. – №4. – С.189–193.
16. Лосская В. Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. – М.: Культура и традиции, 1992. – 348 с.
17. Мельникова Т. "Птица-Феникс – я, только в огне пою!" // Мир Паустовского. – 1998. – № 11–12. – С.132–135.
18. Николаева О. О доме, которого нет // Октябрь (Таруса). – 1992. – 2 окт. – С.2,5.
19. Разумовская М. Марина Цветаева. Миф и действительность. – М.: Радуга, 1994. – 576 с.
20. Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1997. – 816 с.
21. Степанова Т. Настанет свой черед... // Октябрь (Таруса). – 1991. – 19 окт. – С.4.
22. Тарусские страницы: Сборник. – Калуга, 1961. – 319 с.
23. Фейлер Л. Марина Цветаева / Пер.с англ. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 416 с.
24. Цветаева А.И. Воспоминания. – М.: Сов. писатель, 1983. – 767 с.
25. Цветаева А.И. Корни и плоды // Знамя. – 1979. – №4. – С.186–193.
26. Цветаева А.И. Тьма // «Цветаевский вестник» (Приложение к газете «Октябрь» (Таруса). – 1999. – 5 окт. – С.2.
27. Цветаева В.И. Камень // Библиография. – 1993. – №4. – С.99–103.
28. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. – М.: Интерпринт, 1992. – 544 с.
29. Эфрон А.С. Из писем // Мир Паустовского. – № 11–12. – С.135–138.
29. Эфрон А.С. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. – М.: Сов. писатель, 1989. – 480 с.

Т. Максименкова